

О плюрализме исторических логик

Хоружий С. С.

Аннотация: Воспроизводится аргументация, согласно которой такие понятия классической теории истории, как «исторический процесс» и «логика исторического процесса», сегодня требуют если не полного отбрасывания, то радикальной ревизии и переосмысления. С опорой на концепции П. Вена кратко намечены принципы альтернативного исторического дискурса, в котором указанные понятия сохраняются лишь локально, но не глобально, и приведены их конкретные примеры.

Ключевые слова: история, логика, процесс, событие, причина, представленность, сингулярность.

Этот небольшой текст — несколько кратких слов, в которых выразилась моя реакция на название семинара нашего сектора: «Логика исторического процесса». Это — квази-экспромтные, необязательные соображения на темы, о которых у нас не раз велся диалог с Александром Павловичем Огурцовым и которые для меня остаются тесно связаны с его памятью. Итак — логика исторического процесса. Это словосочетание сразу же вызывает у меня вопросы, оно мне кажется взятым из старой, уже ушедшей гуманитарной парадигмы, или эпистемы (возможны тут оба термина), причем как в целом, так и в каждом из своих элементов по отдельности.

1. Процесс, вы сказали? Протрите глаза! Возьмем формулу «исторический процесс», которая тут явно относится к истории как таковой, к глобальной исторической реальности. Это одна из типичных формул классической метафизики, которая вместе со всей этой метафизикой выражает эссенциалистское видение реальности, передавая одну из главных «больших нарративов» — или, как порой переводят, «великих басен» — этого видения. Я обращаю внимание, что она находится в близкой связи с известным хайдеггеровским концептом или парадигмой «картина мира», *das Weltbild*. Как «картина мира», так и «исторический процесс» суть разновидности одного и того же эпистемологического механизма или приспособления, или, скажем так, *оборудованного пространства*, которое Хайдеггер называет «всеобъемлющая схема природных явлений». Если поместиться в такое пространство, это заранее уже предопределяет многое. Свой концепт Хайдеггер характеризует так: «Картина мира... означает мир, понятый в смысле картины»¹, — и в качестве главного следствия такого понимания указывает, что в этом случае сущее, а также и сущее-в-целом, наделяется *представленностью*. Понятно, что когда глобальная история трактуется как «исторический процесс», она также, и эксплицитно, наделяется представленностью, причем конкретно — представленностью под видом процесса, так что мы тут определенно — в рамках картины мира. Имеют место прямо связанные и взаимно соотносимые явления: превращение мира — в картину, человека — в субъекта, а истории — в исторический процесс (которому необходимо сопоставляется и «субъект исторического процесса»). Все это суть базовые элементы классической метафизики и классической гуманитарной эпистемы. И поэтому к концепту исторического процесса в полной мере относится вся та критика, которую развивает

¹ Хайдеггер М. Время картины мира // Он же. Время и бытие. — М.: Республика, 1993. — С. 49.

Хайдеггер в адрес «картины мира» и которая уж давным-давно развивалась многими в адрес субъекта и субъект-объектной эпистемологической парадигмы.

Хайдеггер, в частности, находит в этих концептах и критикует предикат системности, «планетарный империализм технически организованного человека». Он также специально говорит и об историческом познании, замечая, что при рассмотрении в горизонте общей схемы — а конкретно, и в горизонте исторического процесса — многое выпадает из поля зрения: выпадает, как он говорит, «неповторимое, редкостное, простое, словом, *великое* в истории»². Но сегодня, я бы сказал, проблема скорее не в великом, которого особо не наблюдается. Из поля зрения сегодня уже выпадает сама история в своей непосредственной фактуре, своих ключевых предикатах, которые претерпели кардинальные изменения. Сегодня главный порок схемы и методологии исторического процесса уже не в ее неполноте, не в отдельных ее лакунах, а в ее непригодности в целом.

В эпоху, когда мир — картина, человек — субъект, а история — исторический процесс, историческая реальность как таковая выступает, согласно Хайдеггеру, наряду с миром и человеком, как «представленность». Однако сегодня фактура исторической реальности такова, что никакой представленности истории мы не имеем, в силу сразу многих крупных факторов. Во-первых, в наше время идут, наряду с историческими, также и кардинальные антропологические изменения, событийность реальности перемещается в интерфейс Социального или Социально-исторического и Антропологического, где формируется некая совокупная динамика, которая ***не может обладать представленностью для нас, поскольку мы сами суть ее подвижные и меняющиеся элементы***. Во-вторых, эту динамику интерфейса, в которой сопряжены, сплавлены антропология и история, у нас нет права назвать «процессом». История как процесс осуществляется в элементе связности и непрерывности, однако сегодня все в большей мере фактура исторической реальности — это дискретность и сингулярность. Основные носители предикатов связности и непрерывности — это институты общественного устройства, меж тем как сегодня все ведущие общественные институты — политики, права, международных отношений, регламентированного ведения войн и проч. — пребывают в состоянии глубокого кризиса и распада. Дискурс истории как процесса, как уже упомянуто, — это типичный образец того жанра, который сегодня именуют «большие наррации», или «великие басни». В рамках этого жанра, как формулирует блестящий историк Поль Вен (ближайший друг Мишеля Фуко), «история была определена как объясняющий рассказ»³, и нельзя не согласиться, что процесс, или же процессуальность, не что иное как один из ряда объясняющих принципов.

Итак, в итоге никакого процесса нет, а стало быть, нет и никакой его логики. Как выразился опять-таки Вен, имеет место «балканизация» исторического сознания, исторического описания и в конечном счете собственно исторической реальности. И в этой балканизированной — или, как мы скажем, дискретно-сингулярной — реальности, согласно Велу, «вместо одной причины, ослабленной случайностью, мы обнаруживаем подвижность и многоугольник с неопределенным числом сторон»⁴.

2. Элементы нового дискурса. Все это рассуждение, опирающееся на Велу, — не чисто негативного рода. Как легко видеть, тут не только отбрасывается глобальный процесс, но и намечаются некоторые черты иного, альтернативного понимания. Это понимание определенно направляется к некоторому подвижному и плюралистическому видению. Не может быть глобальных схем, ни причинных, ни каких-то еще, объясняющих

² Там же. — С. 45. (Курсив автора.)

³ Вен П. Греки и мифология: Вера или неверие? Опыт о конституирующем воображении. — М.: Искусство, 2003. — С. 47.

⁴ Там же. — С. 54.

события, однако *сами события существуют и конституируют некоторую реальность*. В этой реальности даже продолжают существовать и причины. Однако это понятие радикально локализуется и плюрализуется. Можно сказать, что в дискретно-сингулярной реальности событий причина перестает быть производящим и объясняющим принципом события, но остается одним из слагаемых в составе и структуре события, причем присутствуя всегда во множестве. Конституирующим же принципом реальности, *не* объясняющим и *не* объясняемым, служит само автономное событие. Связь события и причины Вен описывает так: «Само происшедшее событие активно: оно точно газ занимает все свободное пространство между причинами, которых совершенно неопределенное число»⁵. Именно для этой конфигурации Вен и использует метафору «подвижный многоугольник с неопределенным числом сторон». Таким образом, причина теперь — не глобальное начало, но местный, локальный элемент или даже *микроэлемент*, вкрапленный тут и там в неопределенном числе. Во множестве таких элементов существуют взаимосвязи, и для их учета вводится понятие «*малые причинные ряды*». Можно считать, что это понятие — минимальный способ группировки элементов неопределенного, а возможно, и бесконечного множества условных причин. И в структуре каждого события можно выделить то или иное множество малых причинных рядов.

Подобно понятию причины и дискурсу причинного объяснения, аналогичной трансформации, переосмысливающей, локализирующей и плюрализирующей, подвергается и *историческая логика*. Здесь, на мой взгляд, уместна очень простая аналогия с общей теорией относительности. Классическая логика есть очевидный аналог евклидовой прямолинейной системы отсчета, и, как известно, в пространствах неевклидовых, с произвольной метрикой, такую систему ввести невозможно. Но в то же время в каждой точке пространства и ее малой окрестности, т. е. *инфинитезимально*, как принято говорить, евклидова система может быть введена. Не иначе обстоит дело и с логикой: она, вообще говоря, существует и может быть построена в окрестности каждого события. Так, к примеру, малые причинные ряды, которые мы можем обнаружить в окрестности каждого события, суть элементы логической структуры. В результате логика также может остаться в числе характеристик исторической реальности, однако она кардинально изменит свою роль, станет сугубо локальной и плюралистической характеристикой — так что реальности будет соответствовать неопределенное множество локальных исторических логик.

3. Примеры. Когда я стал рассматривать эти кратко описанные концепции сингулярной реальности событий, локальных логик истории и т. п., я неожиданно увидел еще один аргумент, который их подкрепляет. Я заметил, что этим концепциям вполне соответствуют мои собственные недавние работы, где мне пришлось анализировать историческую реальность. Там я на данные концепции отнюдь не ссылаюсь, как господин Журден, который не знает, что он говорит прозой, однако на поверку там осуществляется не что иное, как реконструкция некоторых локальных исторических логик. Поэтому сейчас, в заключение текста, я приведу два конкретных примера таких логик, почерпнутые из упомянутых работ.

Пример 1. Эсхатологическая логика. Занимаясь теориями Рене Жирара, я выделил особо его эсхатологию и при этом заметил, что в основе нее находится определенная парадигма, которую сам Жирар явно не отмечает. Это — общая структурно-динамическая парадигма «спасения в последний миг», на самом краю гибели, и она равно может относиться как к финалу глобальной истории (уровень Социального), так и к финалу индивидуальной судьбы человека, его жизненной траектории (уровень Антропологического). У этой парадигмы давняя и богатая, хотя и негромкая история

⁵ Там же.

в европейской культуре. Исток ее — или, если угодно, архетип, первообраз — в Евангелии, в судьбе персонажа, которого в христианском Предании называют «благоразумный разбойник»: это некто Дисмас, распятый рядом со Христом и в последний миг жизни обратившийся ко Христу и от Него получивший спасение (Лк 23,40-43). Затем самое значительное появление этой парадигмы — у Гельдерлина, от которого она переходит к Хайдеггеру, а у нас в России — к Бибахину. У Гельдерлина, в зачине гимна «Патмос», она получает хрестоматийную формулировку: *Wo das Gefahr ist, / Wächst das Rettende auch* («Где опасность, / Там вырастает и спасительное».) Я прослеживаю ее также у Кьеркегора и в других местах — однако сейчас она нас касается не в связи с теми или иными ее репрезентациями, но потому что она сама по себе прямо относится к нашей теме. Ясно, что парадигма спасения в последний миг есть не что иное, как историческая логика. Причем это именно локальная логика, а не глобальная, ибо она принадлежит исключительно к окрестности *ta eschata*, «последних вещей». Иначе говоря, это специфическая эсхатологическая логика — и чистый пример локальной исторической логики.

Пример 2. Логика исторического упадка России. Другой пример — новейшая история нашего отечества. В связи с недавним юбилеем революции 1917 г. я анализировал динамику культурно-цивилизационного развития России за истекший век. В нашем контексте выводы этого анализа можно сжато и упрощенно резюмировать так: в данном развитии также реализуется определенная логика, и это есть логика исторического упадка, где категория упадка понимается согласно той концептуализации, которую она получает в философии истории А. Тойнби. Понятно, что это также есть локальная историческая логика, и у нее обнаруживается целый ряд специфических особенностей и черт. В частности, я нахожу, что ключевым измерением локального процесса — здесь, в сугубо локальном контексте, можно говорить и о процессе! — так вот, ключевым измерением, в котором наиболее наглядно идентифицируется упадок, является этическое измерение, где совершалась последовательная де-этизация общественного сознания. Таков второй пример локальной исторической логики.

И в качестве заключения следует напомнить, возвращаясь к началу, что необходимо не только утверждать плюрализм исторических логик, но и всегда подчеркивать, что локальные логики принципиально не интегрируются между собой. В глобальном аспекте историческая реальность имеет дискретную и сингулярную природу, и соответственно, никакой глобальной исторической логики не существует.

Abstract: Arguments are given, which show that such notions of classical theory of history as «historical process» and «logic of historical process» demand now the complete rejection or at least the radical reassessment and revision. Basing on P. Veyne's concepts, we outline briefly an alternative historical discourse, in which the notions in question are preserved only on the local, but not on the global level, and some concrete examples of them are presented.

Keywords: history, logic, process, event, cause, representability, singularity.